

Серия «Украинский детектив»
основана в 2019 году

Художник-оформитель
М. С. Мендор

Лобусова И. И.

Л68 Чужая кожа / Ирина Лобусова; худож.-оформитель
М. С. Мендор. — Харьков: Фолио, 2019. — 442 с. —
(Укр. детектив).

ISBN 978-966-03-8459-0 (Укр. детектив).

ISBN 978-966-03-8931-1.

Познакомившись со знаменитым фотографом Виргом Сафиром, провинциальная журналистка Тамара получает приглашение переехать в столицу, тем самым полностью изменив свою жизнь.

Вирг Сафин — самая загадочная звезда современности. Его личность невероятно таинственна, никто не знает его настоящего имени, истории появления в мире шоу-бизнеса. Но многие верят, что его уникальные фотографии обладают мистическими свойствами и, обнажая тайную сущность человека, предсказывают судьбу. Некоторые пытались разгадать секретную технику Вирга Сафина, но...

С первых же дней пребывания в доме Сафина Тамара, получившая новое имя Мара, погружается в мир странностей и тайн. В доме есть даже башня, вход в которую запрещен всем обитателям дома, в том числе и Маре. Это студия фотографа.

Потеряв голову от страсти к таинственному художнику, Мара дает себе слово проникнуть в студию-башню и разгадать страшную тайну Вирга Сафина. К этому подталкивают и внешние обстоятельства: Витольд Комаровский — друг и деловой партнер фотографа зверски убит в собственном доме, а в организации убийства подозревают самого Сафина.

УДК 821.161.1(477)

ISBN 978-966-03-8459-0
(Укр. детектив)

ISBN 978-966-03-8931-1

© И. И. Лобусова, 2019
© М. С. Мендор, художественное
оформление, 2019
© Издательство «Фолио»,
марка серии, 2019

Вступление

КОНЕЦ АВГУСТА 2017 ГОДА

Фиолетовая дымка парила над карьером, проплывая в воздухе, как вуаль, и поднимаясь ввысь, к облакам, спрятанным за фиолетово-серым небом, плотным, как тяжелая намокшая ткань.

Все, что осталось после пожара, — странная фиолетовая дымка. Гарь уже растворилась в воздухе, и расплавленные огнем камни лежали на дне карьера.

Дымка-вуаль поднималась как раз над искореженным и наполовину покерневшим остовом автомобиля, врезавшегося в мягкий грунт. Обгоревшие обломки железа, присыпанные грязным песком, как скелет доисторического животного, громоздились на дне, представляя собой невиданную и фантастическую картину, символизирующую растерянность и утрату.

Двою мужчин весьма специфической внешности, стоя на краю карьера, внимательно всматривались в покерневшие обломки. Внизу вдоль левой щеки старшего мужчины тянулся старый грубый шрам, плавно переходящий на шею. Его лицо говорило о том, что это человек невероятной силы воли: если он пережил такую боль и вернулся к жизни. Лицо его было меченым, и навсегда оставалось в памяти тех, кто сталкивался с этим человеком, как грозное предупреждение, что с ним лучше не сталкиваться вновь.

Второй мужчина был молод, очень высокого роста, но казался каким-то узким и высохшим — все части его тела были словно вытянутые в длину. Его лицо было узким и плоским, на

которое в толпе никто бы не обратил внимания. Но жесткий блеск в его глазах подсказывал, что это не так.

Сзади, далеко от карьера, где полицейское ограждение закрывало доступ местным зевакам и журналистам, все еще толпились люди, щелкая вспышками телефонов, увлеченно снимая жестокую человеческую смерть.

Тела, которые спасатели достали с большим трудом, уже упаковали в черные мешки и увезли подальше от любопытных и пустых глаз. На дне карьера еще работали эксперты — до окончания работы им оставалось собрать последние штрихи.

— Фиолетовый цвет... — Меченый глядывался в пространство с такой внимательностью, словно хотел прочитать какие-то знаки в прозрачном воздухе, — почему такой странный цвет?

— Какой-то химический процесс, — пожал плечами его компаньон. Узколицый, наоборот, не отрывал глаз от происходящего на дне карьера, где копающиеся в деталях машины эксперты напоминали насекомых, которые атаковали труп умершего гиганта: — Распад в результате горения. Странно, правда?

— Никогда еще не видел такого странного дела, — Меченый раздраженно передернул плечами, — так высоко! Похоже на панораму с колеса обозрения в городском парке.

Узколицый фыркнул — это было не очень вежливо, но сравнение показалось ему уж слишком забавным.

— Странное дело, говорю, — повторил старший, — мне не дает покоя этот фиолетовый цвет — люди, сгорающие живо, так не горят.

— Это просто закат, — вздрогнул второй, — краски близкой осени. Ничего больше.

— Ничего больше... Сколько лет как заброшен этот карьер?

— Семь, — его спутник с удивлением посмотрел на него, — разве вы не знали этого? Как раз семь лет назад карьер закрыла экологическая экспертиза! Истощение запасов песка. Днепр... Я дословно не помню. Что-то такое. И депутатское ходатайство это подписал... Кораблев.

— Кораблев, — повторил Меченый, — да помню я! Помню, но не могу понять. Кому потребовалось убивать такое ничтожество?

— Вы кого имеете в виду? — хохотнул его спутник. — Кораблева или его спутницу?

— Какую, к черту, спутницу! — фыркнул старший. — Разве у каких-то спутниц есть имя? Кто будет его помнить, зачем? Таких по пятьсот штук на каждом углу! А вот Кораблев... Более бесполезной инфузории просто не существовало, поэтому...

— Поэтому вы заказали эту странную химическую экспертизу по горению, так? — нахмурился Узколицый.

— Возможно. Я ничего не знаю.

— Я никогда еще не сталкивался с более странным делом! Этого не может быть! Это просто не может быть правдой.

— Этого не может быть потому, что не может быть никогда! — улыбнулся Меченый. — Кто сказал?

Фиолетовый цвет быстро исчезал в воздухе, развеивая сияющие частицы как куплеты не написанной песни.

— Я тебе скажу еще кое-что — про убийцу, — продолжал Меченый. — И можешь это запомнить. Ошибка. Рано или поздно он допустит ошибку. Я буду ждать. Если понадобится, целую жизнь, но поймаю этого урода. Я чувствую — ошибка близко. Она обязательно случится... И я даже знаю, что это будет.

— Какая ошибка, что это будет? — машинально повторил Узколицый, явно не вдумываясь в смысл слов.

— Женщина. Это будет женщина.

КОНЕЦ МАРТА 2018 ГОДА

Я не знаю, с чего начать. Я боюсь смотреть на свое лицо в зеркале — мне не нравится то, что я могу там увидеть. Пусть другие не замечают никаких изменений, но я-то знаю: перемены кроются не в том, что снаружи. Перемены — они под чужой кожей.

Мне все говорят, что ничего не изменилось. Так говорят все, но только не я. Мое имя давно уже другое. Я ношу кон-

тактные линзы, чтобы скрыть цвет моих новых глаз. Мои волосы темные, они давно потеряли свой прежний цвет.

Бывает любовь, поражающая мозг, как раковая опухоль. Разрастаясь, она уничтожает не только твое тело или отражение в зеркале, она съедает все ранее существовавшие дороги. Я буду говорить о своей любви.

Самолет через два часа. Я сижу в небольшом баре в аэропорту Борисполь. Ночь. В баре, кроме меня и бармена за стойкой, больше никого нет. Вокруг темно. Я сижу за стойкой бара, крепко сжав бокал с апельсиновым соком, и стараюсь не смотреть на отблески желтой жидкости на столешнице. Я не навижу апельсиновый сок. Эти желтые отблески напоминают мне разлившуюся мочу.

Я смотрю на бокал с апельсиновым соком и лихорадочно кручу в пальцах осколки моего разбитого прошлого. Я буду вспоминать о своей любви. Я буду говорить о ней здесь и сейчас. Я расскажу о шрамах на моих запястьях и еще о том, почему я ненавижу сок.

Хорошо, что вокруг никого нет. Я выгляжу точно так, как должно выглядеть огородное пугало. Черные брюки, белый свитер и мужское черное пальто с длинными полами, которое мне не идет. Оно уродливо. Оно отвратительно. Я не сниму его никогда. Я сниму только свою белую фетровую шляпу (вот так) и положу ее на стул рядом. Белое в черном, или черное в белом. На самом деле всегда есть третий цвет.

Он есть. Наверное, именно поэтому я и сижу в аэропорту, одетая уже навсегда в черно-белые тона.

Мои глаза ловят привычное черно-белое пятно. Я не хочу туда смотреть, но мои глаза не подвластны моей воле. Я сжимаю губы покрепче, и, как всегда, ощущаю рой ледяных бабочек в животе.

Я поднимаю глаза и взглядом упираюсь в огромную черно-белую фотографию, висящую на самом видном месте бара в обрамлении нелепо светящихся лампочек. Все оформлено так, чтобы эта фотография (или эта картина) намеренно бросалась в глаза. Мой взгляд останавливается на ней, на привычных до боли нюансах белого и черного. Это ад!

Скучающий бармен перехватил мой взгляд. Он рад любой возможности хоть о чем-то поговорить.

— Нравится? — он подходит ближе, довольно потирая руки. — Это Вирг Сафин. Подлинник! Правда...

— Так уж правда... — ухмыляюсь я. Эта ухмылка похожа на оскал трупа, но бармен принимает ее за чистую монету. В этом бармене есть что-то неприятное — то ли молодость, то ли жиденькие усики пройдохи, пробивающиеся над пухлой верхней губой.

— Точно, правда! Подлинник — настоящий Вирг Сафин, — бармен и правда был рад поговорить.

— Тогда вам нужно поставить сюда охранника, — все как-то нелепо продолжают ухмыляться я, — повесить вот так просто подлинник Вирга Сафина... Честное слово — не шутки!

— Это хозяин его купил. Он у нас большой любитель. Тогда Сафин еще стоил дешевле. А ведь точно, теперь это и правда... — Бармен издает дебильный свист, намекая, что нынешняя стоимость картины потянет на целое состояние, и за эту пошлость мне хочется размозжить ему голову.

Но бармен, конечно же, не понимает моей реакции — он все говорит и говорит.

— Теперь, конечно, Вирг Сафин — целое состояние. Хозяин страшно гордится этой своей покупкой. Готов день и ночь рассказывать, какой он молодец, что вовремя купил. Вообще-то он купил этот снимок в Нью-Йорке, пять лет назад. А знаете, ведь теперь все, что связано с Сафином, страшно поднялось в цене — ну, теперь, после того, как...

Стукнув бокалом о стойку бара, я резко произнесла:

— Виски!

Получилось достаточно вульгарно и грубо, но продолжения разговора («после того, как...») я просто не вынесу. Я не могу об этом слушать сейчас.

Моя резкая реакция обрывает бармена на полуслове, и он в растерянности спрашивает: добавлять ли виски в сок, или дать новый стакан. Я требую новый стакан.

Обжигающая жидкость льется в мое горло, и я замираю, словно кто-то за спиной недовольно вот-вот окликнет... Но

в баре по-прежнему никого нет. Я уже и забыла, когда в последний раз пила виски. Это блаженное открытие — оказывается, я умею забывать.

— А куда вы летите? — бармен все не может успокоиться.

— В Нью-Йорк.

— Вы там живете?

— Нет.

Я расплачиваюсь и собираюсь уходить, но бармен окликнул меня:

— Подождите, девушка! — он выдыхает, вспомнив про Нью-Йорк, — мисс...

Я оборачиваюсь. Неужели мне всю жизнь суждено обрачиваться? По первому окрику, вот так.

— Вы забыли... на стойке... вот это... — бармен показывает на что-то, и яркий луч электрической лампочки отражается в моих глазах — он ясно и отчетливо освещает осколки моей разбитой жизни.

Возвращаясь, я беру в руки осколки моего прошлого — треснувшую от огня линзу объектива фотокамеры. Она так мала, что помещается в моей ладони. Под вопросительно-пристальным взглядом бармена я опускаю линзу в карман пальто и, ухмыльнувшись в последний раз, быстро ухожу из бара. Я что-то шепчу себе под нос.

— Вирджин... Меня зовут Вирджиния... Меня зовут Вирджиния. Вирджин...

Напрасные предосторожности: я могла бы закричать во весь голос, и меня бы никто не услышал!

Сжав треснувшую линзу в ладони, я бреду в мертвых лабиринтах аэропорта. Я возвращаюсь в прошлое. Я буду говорить о своей любви.

ГЛАВА 1

НАЧАЛО СЕНТЯБРЯ 2017 ГОДА

Ровно за год до нашего знакомства Вирга Сафина обвинили в изнасиловании. И, как всегда, он вышел сухим из воды.

В суд на него подала одна из безликих, многочисленных партнерш по сексуальным оргиям, уже вошедшем в поговорку. Эту девицу, кажется, он использовал и в качестве одной из своих моделей.

Я и сейчас помню ее лицо, изящно точеную фигурку, модно растрепанные рыжие волосы и пластика, пластика, пластика... платье от Роберто Кавалли, в котором на одном из эфиров модных и пошлых шоу она выскочила из темноты. Помню, я еще подумала, увидев ее на экране: «Красивая девица, заниматься с такой сексом, наверняка, одно удовольствие. Придуорок Вирг Сафин».

Эта мысль («придуорок Вирг Сафин») почему-то отчетливо врезалась мне в память да так и застряла в голове, хотя мысль была довольно нелепая: какое отношение могли ко мне иметь знаменитый Вирг Сафин и крутая суперзвезда с раскосыми кошачими глазами, чем-то напоминающими растаявший на жарком солнце черный шоколадный лед.

В студии, хлюпая дорогой косметикой, модная девица отрабатывала евро, рассказывая, как Вирг Сафин набросился на нее в фотостудии. Зрительская часть аудитории слилась, похоже, в едином порыве: мужская часть завидовала Сафину, а женская — девице.

В этот момент пришла Ксюха, и я вкратце пересказала ей сюжет. Ксюха фыркнула: «Тоже мне, бином Ньютона! Эти звезды — все они сплошные уроды. А девка бабки зарабаты-9

ет — бесится, что не вышла за него замуж». И Ксюха, знающая биографии всех знаменитостей, очень подробно поведала мне, что Сафин никогда не был женат.

— Никогда? Такой красавец! — ахнула я, так как в этот момент на весь экран появилась модная глянцевая фотография, на которой Вирг Сафин, весь одетый в кожу, восседал на дорогущем байке... Он был таким сексуальным, что и у меня, и у Ксюхи загорелись глаза.

— Красавец, точно! — иронично констатировала Ксюха. — Вот бы такого затащить в койку! Но... он — урод.

— Откуда знаешь? — почему-то вспыхнула я.

— В интернет загляни, деревня! Ты только введи в любом поисковике «Вирг Сафин» — сама все поймешь.

— Интернет — помойная яма, в которой копаются одни недоумки, — сама не зная почему, рассердилась я, — обгадить в интернете кого угодно — ничего не стоит! Это просто общественный туалет.

— Поцелуйся с Сафина — он тоже интернет не любит. — Ксюха была в ударе, — тебе надо было родиться в девятнадцатом веке вместе с Сафином.

Я не поверила рассказу девицы, как и не поверил ведущий. Мне казалось, в этой нелепой побасёнке не было ни одного правдивого слова. Но я досмотрела шоу до конца, хоть и не смотрю такую глупость.

Когда на экране появлялись фото Сафина, внутри меня все сжималось. После мне еще месяца три снились его грубые азиатские скулы и, проснувшись в поту, я неистово мастурбировала.

Суд был громким. Три недели подряд ставила сводки из суда (как хронику боевых действий) в топ-новости, чем довела до белого каления главного редактора, впрочем, мне было не привыкать.

Девица обвиняла его в избиениях, угрозах и извращенных сексуальных действиях — к примеру, принуждение к «золотому дожду». Она заявляла, что Сафин держал ее взаперти в подвале своего загородного дома и приковывал цепями к стене.

Но факт, что девица никогда не была в его загородном доме, Сафин опроверг очень легко, представив показания свидетелей и записи видеокамер.

Апофеозом же стало подтверждение алиби Сафина: когда он якобы удерживал девицу в своем доме, он был в Испании, готовя совместный арт-проект к Венецианскому биеннале с испанским фотохудожником. Алиби было подтверждено полностью, и с Сафина сняли все обвинения.

Празднуя свою победу, Сафин устроил крутую вечеринку в одном из самых дорогих ночных клубов (название клуба я так и не запомнила). Об этой вечеринке еще три недели писали все СМИ, и не только в интернете. А потом он в компании двух моделей-близнецов, снимающихся для порно-журналов, укатил отдохнуть на Майорку. Об этом я уже не стала писать.

Без сомнения, Вирг Сафин был самым сексуальным мужчиной из всех, кто мне встречался в жизни. Вернее, самой сексуальной фотографией из всех. Секс был во всем — в кошачьем разрезе его узких темных глаз, в выступающих резких скулах, в длинных черных волосах, лежащих на обнаженных мускулистых плечах. Именно так ему нравилось выглядеть на большинстве фотографий, и я не сомневалась в том, что сам он себя считает неотразимым. Впрочем, для меня главным в его внешности была не красота, а проявляющая во всем, просто выходящая наружу его сексуальность. И жажда секса была основной составляющей образа.

Через полгода Вирг Сафин вновь стал топ-новостью на всех интернет-сайтах. Его машину, крутой внедорожник Jeep, взорвали возле дома.

Сафин с очередной подружкой (какое-то рыжее насекомое с силиконовым телом, кажется, начинающая певица) шли по дорожке к воротам дома к припаркованному автомобилю. Они не успели дойти до машины, как оглушительным взрывом джип подбросило в воздух. Сафина вместе с подружкой ударной волной отбросило на садовую дорожку. Этот взрыв «сделал» первые полосы всех газет на очень долгое время.

В покушении Сафин обвинил своего американского продюсера — крупного нью-йоркского галериста, раскручивавшего в Америке его работы. Вроде бы они не поделили какие-то деньги, и продюсер-галерист решился ему отомстить.